

раннее, в нее входит больше пространства и больше времени»⁴. Воздействие и решающее влияние на деятельность и поведение людей власть проявляет не только методами принуждения, но использует и свой личный авторитет, харизму вождя, комплекс правовых механизмов, различные технологии воспитания, убеждения и т.д.⁵.

В качестве основных аспектов власти в современной политологии выделяются следующие: а) *директивный*, в которой власть выражает себя в наиболее концентрированной форме в отношениях господства и подчинения, в умении добиваться выполнения своего давления с помощью различных ресурсов и средств, демонстрируя необходимую силу и мощь; б) *функциональный*, т.е. способность власти осознавать, понимать общественные процессы и управлять ими, публично заявлять и обосновывать свои претензии на управленческие полномочия, перманентно артикулировать реальность существования отношений между собой и объектом власти; в) *коммуникативный* аспект подтверждает возможность власти реализовывать свои полномочия через непрерывное воспроизведение различных форм общения с подвластными структурами, используя устоявшийся язык взаимодействия, понятного обеим сторонам властных отношений⁶. В совокупности этих признаков власть демонстрирует свою компетентность, создавая условия для стабильного развития общества (общности).

Очевидно, что феномен власти не может быть предметом монопольного анализа какой-либо одной научной дисциплины (политологии, истории, психологии и др.) или ограничиваемым утвердившихся дуальных оппозиций «Власть и общество», «Власть и народ»,

«Власть и интеллигенция», «Власть и церковь» и т.д. Изучение проблем власти и любого другого как бы отделенного от нее объекта управления (подчинения) или субъекта действия только в контрарной проекции, когда «власть и подвластные» испытывают взаимотчуждение и неудовлетворенность друг другом, будет аналитически-ограниченным, если не выяснять причин реального существования в их взаимоотношениях вектора стабильности и психоэмоционального единства. Достаточно напомнить о десятилетиями длившейся всенародной любви к Сталину при его жизни и воскрешении позитивных чувств к этой фигуре в последние годы у значительной части населения; не меньших симпатий удостоивались в первые годы своего правления все советские лидеры: Хрущев, Брежнев, Андропов, Горбачев и постсоветские — Ельцин и Путин; стабильно-высокий рейтинг весь период президентства последнего окружен ореолом загадочности.

Выясняя причины этого явления, отметим, что многоаспектная проблема «Власть и народ» манифестирует своеобразный ракурс анализа, если понятие «народ» рассматривать не в совокупности его социально-политических, социологических и духовно-нравственных признаков («народ — главная производительная сила общества»), а изучать сквозь призму этнологического интереса. В этом случае в сформировавшемся устойчивом объединении людей на передний план выступают такие признаки, как ландшафтно-территориальная генетика, культурно-психологическая ментальность, повышенно-эмоциональная роль общностного и индивидуального самосознания, в своей совокупности презентующих понятие «этнос»⁷. На мой взгляд, дихотомия «власть-народ» не идентична связке «власть-

этнос», несмотря на смысловую близость понятий «народ» и «этнос»⁸, их взаимозаменяемость как в собственно этнологической, так и в исторической, политологической, социально-философской, публицистической литературе.

Необходимо «почувствовать разницу» в таких смысловых связках, как «русский (чувашский, французский и т.д.) народ», «русский этнос», «русская нация». Любая крупная общность людей, обладающая собственной государственностью и всеми причитающимися ей символами и принципами, может рассматриваться в категориях «нации» или «народа» или «этноса» — все зависит от акцентации внимания к тем или иным признакам, влияющим на их жизнедеятельность факторам и проявляющегося исследовательского интереса.

Философско-этнологический анализ феномена власти раскрывает, как мне представляется, не только ряд важных особенностей в объекте исследования, внимание к которым позволяет в реминисценции прошлого адекватнее оценить исторические события, мотивацию и механизмы деятельности ушедших поколений, но и более системно воспроизвести в теоретическом сознании современные общественные процессы и попытаться предугадать перспективы их развития.

1. ВЛАСТЬ КАК КОМПОНЕНТ ЭТНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

«Изменить характер системы – значит наткнуться на ожесточенное сопротивление тех, кто добрался до власти благодаря... ущербности».

В. Тендряков

«Всякая власть исходит от народа. И никогда уже к нему не возвращается».

Г. Лауб

Этнос, как и любой другой социальный организм, есть совокупность специфически взаимосвязанных, структурно-иерархически расположенных различных элементов, функционирующих в рамках (границах) определенной целостности. В качестве самодостаточной, самоорганизующейся системы этнос, пока он в историческом генезисе не приблизился к завершающей фазе своего многовекового жизненного цикла, типологически относится преимущественно к замкнутым и одновременно корпускулярным (дискретным) по форме организации межэлементного взаимодействия социальным (по терминологии Л. Гумилева – геосоциальным) образованиям⁹. Как система замкнутого типа этнос целенаправленно оберегает себя от разрушительного внешнего воздействия, препятствует иноэтнической экспансии на собственные субструктуры (культуру, семейно-брачные отношения, хозяйственный уклад). Вместе с тем этнос-дискретная система, воспринимающая культурную диффузию, «разре-

шающая» межэтнические браки и заимствующая извне технические и технологические достижения. Одними из важнейших признаков этноса являются обладание собственным этнонимом («я — русский, татарин, еврей, немец, поляк» и т.д.) и противопоставление себя другим этническим объединениям по принципу «мы — они», «свои — чужие», причем не только на уровне осознанного восприятия неадекватности привычным для себя культурным, поведенческим актам иноэтнических объединений, но прежде всего — в сфере подсознания, ощущаемым симпатий или антипатий к представителям иных социокультурных особенностей. Эти этнические чувства предоставляют тем или иным лидерам и вождям в «нужное» время необходимый ресурс для мобилизации массового сознания в «нужном» направлении.

К специфике этнической системы в литературе относят: взаимопереплетение в этой целостности большей или меньшей массы индивидов с различными вкусами и способностями, языком общения, психологическими установками и продуктами деятельности; многообразные традиции, географическая среда и территория, на которой люди создают и воспроизводят и себя, и свою культуру; степень пассионарности (внутренней энергетике) индивидов, т.е. их способность к сверхнапряжению и жертвенности; выделение себя из иноэтнического окружения. Развитие этноса подчиняется общим закономерностям социально-организованных систем, ключевую роль в которых играют функционально-действующие структуры: лидер со своим аппаратом власти, органы управления, этнократия в целом. Представляя из себя систему дискретного типа, этнос для поддержания себя «...устанавливает выработанные или заимствованные институты, являющиеся

по отношению к этносу вспомогательными жесткими системами»¹⁰ — от власти старейшин в роде до государства у национального объединения, в котором сосуществуют различные этнические коллективы, — и выступающие (органы управления) по своей сути социально-политическими образованиями.

Для российской действительности эффективность объединения дискретной системы (этноса) с жесткой (властвующими органами) в значительной степени зависит от некоторых социально- и психологически-значимых феноменов, структурирующих, если пользоваться терминологией декабриста П. Пестеля, «повелевающих и повинующихся»¹¹ в единую этническую целостность.

К числу наиболее важных и характеристических черт субъектов власти в России относится их идентичность культурно-историческому и психологическому своеобразию подвластного, управляемого ими населения, наличие внутренней взаимной связи между этими, как бы противостоящими друг другу, компонентами социального организма, по совокупности этнокультурной и этнопсихологической тождественности. Этническая идентичность в узком смысле слова означает (на уровне массового, обыденного сознания) сходную национальность у носителей властных полномочий, главным образом у «верховного» субъекта власти, и большинства российского населения. Для России, несмотря на ее исторически сложившуюся полиэтническую структуру, даже в современных условиях, когда и в Конституции РФ, и в официальных документах, выступлениях и пр. провозглашается невозможность дискриминации граждан по национальному признаку, в том числе и в представительстве во властных структурах, упразднена графа «национальность» в паспорте

и т.д., эта проблема продолжает сохранять свою актуальность; более того, в последние годы она стала обостряться. О значимости этнической «совместимости» управляющего и управляемых напоминают выборы президента (синтезирующего в себе все функционально содержательные полномочия властных прерогатив в России) в 1996 г., когда известные наши соотечественники — писатель В.Астафьев и кинорежиссер Н. Михалков (и не только они) — агитировали российский народ за кандидатуру Б.Ельцина, подчеркивая в нем черты «настоящего русского мужика — со всеми его достоинствами и недостатками»¹². Этническая составляющая отчетливо проявила себя на парламентских выборах в декабре 2003 г.: в Государственную Думу пришли партии, открыто манифестирующие лозунг «Мы за бедных, мы за русских!»¹³.

Президентские выборы и 2000-го, и 2004 гг., как и все последующие события, также продемонстрировали, что не последнюю роль в поддержании стабильного эмоционально-позитивного отношения к носителю верховной государственной власти у большей части населения Российской Федерации (которую составляют этнически русские), играет общая для них национально-этническая идентичность, культурно-психологическая совместимость в рамках функционирующего этнического организма (этносистемы). И осознаваемой, и на уровне подсознания ощущаемой причиной испытываемой существенной частью электората (до 70% и выше, как показывают постоянные социологические опросы на протяжении нескольких лет) устойчивой симпатии, эмоциональной привязанности к Президенту (но редко высказываемая вслух) все последние годы является отмеченная самим В.Путиным его

этническая русскость, изначально, естественно сложившаяся сопричастность по этому этнонациональному признаку с базовым субстратом российского населения. Свое «Открытое письмо к российским избирателям», опубликованное еще в феврале 2000 г. в период избирательной кампании, В.Путин заканчивает, после перечисления комплекса проблем в сферах морально-волевого, социально-экономического и политико-правового развития России, знаменательными словами: «Если и искать лозунг для моей предвыборной позиции, то он очень простой. **Это достойная жизнь.** Дстойная в том самом смысле, какой ее хотят видеть и в какую верят большинство моих сограждан. Как вижу нашу жизнь и я сам, будучи *русским* (выделено мною. — В.С.) человеком»¹⁴. Акцентация внимания на этнофункциональной характеристике, имеющей определенную значимость в глазах электората современной России, обнаруживает, не в последнюю очередь, стремление как бы реанимировать, воскресить в русском народе созидательные потенции, минимизировать дискомфортность мироощущения российского (прежде всего — русского) населения, вызванной разрушением в 1990-е гг. прошлого столетия ряда базисных доминант его бытия. Стремительный взлет В.Путина к вершине государственной властной вертикали и сохраняющаяся стабильная популярность в значительной мере обусловлен, на мой взгляд, его точным попаданием в структуру этноисторической ментальности россиян, с укоренившимися в народном сознании представлениями о желательности сильной руки «хозяина», способного не только навести порядок, но и сурово наказать преступников. Подобные представления о власти особенно импонируют современным «государственникам»,

получивших постоянную прописку в средствах массовой информации¹⁵. Согласно опросу, проведенному ВЦИОМ (Ю.Левада) на территории России в 2000 г., на вопрос... «Русский человек не может обойтись без властных лидеров, сильной руки, которая бы направляла его действия?» — 72% респондентов ответили положительно¹⁶. Массовое сознание подобное желание экстраполировало в 1980-е гг. на М.Горбачева, в 1990-е гг. — на Б.Ельцина, однако обманулось в своих ожиданиях.

Реальность проблемы этнической идентичности (национальности) высшего властвующего лица в России и государствообразующего (благодаря своей численности) русского народа нашла свое отражение в статьях известного журналиста В.Третьякова. В одной из них, учитывая ориентированность общественного мнения, автор задавался риторическим вопросом: «Может ли еврей быть российским президентом?» и запугивал читателей возможным приходом к власти в 2004 г. мусульманина¹⁷. Русская ментальность в представлении о том, что именно русский по национальности (и православный по вероисповедованию) может претендовать на роль главы государства, после распада СССР и приобретения Россией международной субъектности, закрепилась в самовыражении эмоциональной, душевной комфортности в связи с явным преобладанием русских в составе российского населения: 80% по данным переписи 2002 г. (в Союзе ССР русских было чуть более 50%).

По этому показателю Россию можно отнести, как это принято в международной практике, к мононациональным государствам (Великобритания, Франция и др.), если «забыть» о специфике российского исторического пути к превращению в полиэтничное, многонациональное государство и «закрывать глаза» на уст-

раивающую многие нерусские народы его национально-территориальную структуру. Вместе с тем, принимая во внимание современное состояние массового сознания русских, в котором негативное отношение к представителям другой национальности на обыденном уровне имеет определенное распространение¹⁸, выборы президента объективно превращаются в подтверждение русской самости, позволяющей многим этнически русским чувствовать себя более благоприятно в «своем» государстве. Но и власть, и в лице главного представителя, и находящейся от него в функциональной зависимости управленческой вертикали, пребывает в обратной зависимости от сложившихся условий, она способна себя эффективно осуществлять в значительной мере в случае сопряженности, идентичности культурно-историческому и этнопсихологическому своеобразию управляемому и руководимому ею российским и, главным образом, русским населением; в национальных республиках лидерам предпочтительнее иметь национальность соответствующую титульной нации.

Степень этноэмоционального согласия в симбиозе власти и подвластных подтверждает легитимность властных органов в данном сообществе, их способность поддерживать стабильность и устойчивость этнической системы. Немецкий социолог М.Вебер выделил три вида «внутренне оправданной» легитимности власти: а) основанной на авторитете нравов, сформировавшихся и соблюдающихся традициях; б) опирающейся на исключительную одаренность вождя, лидера — на его харизму; в) легитимность власти как признание ее легальности, обоснованной рационально созданными правилами поведения, на господстве законов, права¹⁹, регулирующих жизнедеятельность социума.